

EUCAM
EU-CENTRAL ASIA MONITORING

Россия в Центральной Азии: давняя история, новые трудности?

Марлен Ларуэль

рабочий доклад 03

Октябрь 2009

© EUCAM 2009
ISBN 13: 978-92-9079-930-6
Октябрь 2009

«Россия в Центральной Азии: давняя история, новые трудности?»

Марлен Ларуэль

Рабочий доклад EUCAM No. 3

Содержание

Введение	4
Изменение положения России в Центральной Азии	5
Основная сфера участия России: контроль над топливными ресурсами	7
Вопрос безопасности - угроза с юга?	10
Вечный вопрос: теряет ли Россия свое влияние в Центральной Азии?	12
Рекомендации для ЕС	15
Заключение	17

Введение

Россия занимает особое место в центрально-азиатском регионе из-за своей роли бывшего колонизатора, длившейся с 19 века, а для некоторых северных областей Казахстана с 18 века. У этого наследства есть как положительные, так и отрицательные аспекты: Один из положительных факторов заключается в том, что благодаря длительному сосуществованию народов России и Центральной Азии, у жителей этих стран создано общее ощущение принадлежности к одной «цивилизации»; негативное же влияние заключается в накоплении всех политических и культурных недоразумений, свойственных при отношениях типа «колонизатор-колония». Как следствие, отношения России и Центральной Азии являются путаницей, где каждая сторона крайне эмоционально воспринимает свою связь с другой стороной.

Несмотря на надежды некоторых обозревателей, что экономический кризис в России ослабит ее геополитическое положение, необходимо отметить, что как бы парадоксально это не звучало, но на данном этапе кризис помогает Москве усиливать контроль над соседствующими странами. Кремль, похоже, принял окончательное решение инвестировать значительные суммы денег для усиления сферы своего влияния в странах СНГ. Москва считает, что этот регион имеет ключевое значение, а поэтому усиление позиций в нем не подвержено влиянию чрезвычайных экономических обстоятельств. Россия хоть уже и не так победоносна, но, тем не менее, никак не остается Россией начала 90-х годов. Даже

при падающих доходах цели внешней политики и стратегии внутреннего контроля четко определены и будут поддерживаться. Несмотря на значительное падение курса национальной валюты по отношению к доллару, Россия предложила учредить стабилизационный фонд в размере 10 млрд. долларов, из которых она профинансирует три четвертых части. Кыргызстан надеется получить обещанные 2 млрд. долларов, чтобы выйти из сложившегося экономического тупика: чрезвычайная помощь в размере 150 млн. долларов, кредит на 300 млн. долларов при сниженных процентных ставках, более 1,5 млрд. долларов, выделенных на электростанцию «Камбарата», и обращение киргизского государственного долга России в акционерный холдинг в Дагестане, одно из немногих предприятий киргизского военно-промышленного комплекса. Таким образом Россия продолжает занимать ведущую роль в центрально-азиатском регионе, несмотря на нарастающую экономическую и стратегическую неопределенность в стране.

После анализа исторической эволюции присутствия России в Центральной Азии, данный доклад сосредотачивается на двух основных трудностях для Москвы в этом регионе, а именно – на экономике (в частности на вопросах экспорта газа и нефти из Центральной Азии), а также на вопросах безопасности.¹ Растущая стратегическая небезопасность региона и риск дестабилизации являются основным мотивом Кремля для вмешательства. В частности, Россия стремится избежать ситуации, в которой военная интервенция будет неизбежна. Кремлю необходимо обеспечить безопасность своей собственной территории и режима, который намного слабее и более разрозненный, чем думает большинство западных обозревателей. В заключение, данный доклад рассматривает аспекты сотрудничества России и ЕС в регионе: Как существующая обстановка соперничества может превратиться в атмосферу сотрудничества, в которой так нуждаются страны Центральной Азии? Так как ЕС не стремится стать единственным игроком на центрально-азиатской арене, в его же

Об авторе:

Марлен Ларуэль является ведущим научным сотрудником института Центральной Азии и Кавказа и объединенного центра программы изучения стран Шелкового пути (Школа углубленного изучения международных отношений университета Джона Хопкинса, Вашингтон, и института по изучению проблем безопасности и программ развития, Стокгольм). Она является экспертом по вопросам национализма, национальной идентичности, политической философии, интеллектуальных тенденций и геополитических концепций российских и центральноазиатских элит, а также в области российских и центральноазиатских мозговых трестов и академических кругов и политики России в Центральной Азии.

¹ J. Boonstra, *Russia and Central Asia: From Disinterest to Eager Leadership*, FRIDE Paper, FRIDE, Madrid, August 2008.

интересах развивать сферы сотрудничества с Россией. Если вопрос встанет об эксклюзивности выбора, для ЕС не останется места в сердцах Центральной Азии из-за своей отдаленности. Несмотря на это, Евросоюз может привлечь Центральную Азию, демонстрируя свое стремление развивать совместную с Россией деятельность.

Изменение положения России в Центральной Азии

После распада Советского Союза, статус России как бывшего колониального центра поставил ее в трудное положение. В Центральной Азии приоритетным направлением являлось не допускать вмешательства и влияния России на внутренние дела стран. Со всех сторон звучала, хоть и недолго, громкая критика «Российского колониализма». К середине 90-х годов вновь независимые страны стали ослаблять критику в сторону Москвы. К этому моменту они начали испытывать социальные трудности, и ностальгия по брежневским временам стала популярным лейтмотивом. Русских уже не винили во всех бедах.² Следовательно, понадобилось менее двух десятилетий, чтобы общее наследие этих двух сторон приобрело более позитивную окраску. Москве удалось преобразовать советское прошлое в преимущество в виде общей близости и родства. Начиная с 2000 года, Россия снова стала уважаемым игроком в центрально-азиатском регионе, где ее экономическое и геополитическое возрождение является предметом всеобщего восхищения.

После окончания холодной войны, интересы России в центрально-азиатском регионе претерпели значительные изменения.³ Последние два десятилетия можно разделить на следующие три этапа: первый этап охватывает период после распада СССР до первой половины 90-х годов, когда у Кремля не было четкой политики в отношении Центральной Азии, а также в отношении

остальных стран бывшего советского пространства. СНГ было создано как механизм для обеспечения «цивилизованного развода», а не как средство поддержания главенства России над остальными странами бывшей империи. У резкого равнодушия России к Центральной Азии было много причин как идеологического, так и политико-экономического характера. Что касается культурных отношений, Москва также предпочла занять отдаленную позицию и не защищать интересы значительного числа русских в регионе, чье количество на 1989 год составляло почти 10 миллионов человек. Отсутствовали и инвестиции в такие важные элементы сохранения культурного влияния, как русскоязычные структуры (школы, университеты, СМИ и т.д.).⁴ Только 14 сентября 1995 года Россия наконец постановила, что СНГ является регионом крайней важности, что сигнализировало о желании Москвы оставить за собой право контролирования внешних границ бывшего Советского Союза. Во второй половине 90-х быстрая смена ситуации в стране привела к зарождению второго этапа российской внешней политики. Согласно «теории Примакова», составной частью попыток России вернуть свой международный статус являлось восстановление ее роли как центрального игрока на пост-советской арене. Однако формулировка стратегии оставалась неоднозначной, так как в своем официальном политическом дискурсе Москва продолжала заигрывать с идеей создания Евро-Атлантического союза, в который бы входила Россия.⁵

Третий этап внешней политики России связан с приходом к власти Владимира Путина. Сразу после своего вступления в должность, новый лидер России направился в Таджикистан и Узбекистан. В мае 2000 года последовал также визит в Узбекистан и Туркменистан. 28 июня 2000 года Путин сформулировал новую внешнюю политику РФ, в которой осознавались как ограниченные возможности страны, так и необходимость прибегнуть к некоторым

2 K. Syroezhkin, "Central Asia between the Gravitational Poles of Russia and China", in B. Rumed (ed.), *Central Asia. A Gathering Storm?*, New York: M.E. Sharpe, 2002, стр. 169-207.

3 A. Tsygankov, *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*, Lanham: Rowman & Littlefield, 2006.

4 M. Laruelle, *La Question des Russes du proche-étranger en Russie (1991-2006)*, Étude du CERI, №. 126, CERI, Paris, 2006.

5 B. Lo, *Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy*, Chatham House Papers Series, Royal Institute of International Affairs and Blackwell Publishing Ltd, London and Malden, MA, 2002.

геополитическим уступкам. Это придало приоритетное значение вложениям в страны СНГ⁶, а также развитию дипломатических отношений с такими стратегическими партнерами, как Индия, Иран и Китай. Россия Путина призвала к ужесточению договора о коллективной безопасности СНГ для противостояния исламистским угрозам на Кавказе и в Центральной Азии и объявила о своем желании восстановить контроль над энергоресурсами региона, в особенности над их месторождениями в Каспийском море.⁷ Отношения с двумя наиболее противящимся российскому влиянию странами, Туркменистаном и Узбекистаном, медленно улучшались, а визит Путина в обе страны в 2000 году был признан дипломатически успешным. Остальные три государства (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан), чья политика была более уравновешена между Западом и Россией, положительно восприняли знаки возрождения Кремля.⁸ События 11 сентября 2001 года резко усилили желание Москвы контролировать Центральную Азию.⁹

Во время двух сроков правления Путина (2000-2008 гг.), России удалось вернуть статус основного партнера для стран Центральной Азии. На многостороннем уровне, две организации, возникшие по инициативе Москвы, Евразийское Экономическое Сообщество, созданное в 2000 году по предложению Казахстана, и Договор о коллективной безопасности, подписанный в 2002 году, сегодня функционируют как основной формальный каркас сотрудничества России и Центральной Азии. На двустороннем уровне, Москва снова является первоочередным стратегическим и военным союзником. Кремль продемонстрировал свою неизменную политическую поддержку режимов Центральной Азии, основанную на сближении за счет совместной борьбы против так называемой «исламистской угрозы». В обмен на поддержку Кремля в борьбе против

исламистского движения Узбекистана Хизб-ут-Тахрир¹⁰, и в целом против политической оппозиции, страны Центральной Азии согласились поддержать Россию в чеченской войне. «Цветные революции» в Грузии в 2003 году, в Украине в 2004 и в Кыргызстане в 2005 еще больше укрепили эту политическую близость, заставив президентов всех центрально-азиатских стран соглашаться с любым действием Путина. Все они постоянно осуждают западное вмешательство, настаивают на главенстве сильных правителей во избежание исламистской дестабилизации, а также ужесточают законы, касающиеся НПО и «гражданского общества». Данный альянс достиг апогея во время мятежа в Андижане 13 мая 2005 года, который был подавлен узбекскими властями.¹¹

Если в экономическом секторе Россия с 90-х годов потерпела настолько сильное поражение, что не сможет отбить потерянные рынки, то, что касается политической и геополитической арены, дела обстоят иначе. Россия выполняет свое обещание положительно взаимодействовать с лидерами Центральной Азии. Несмотря на критику со стороны Ташкента, вызванную слабой реакцией на вторжение сил исламского движения Узбекистана в Кыргызстан и Таджикистан летом 1999 и 2000 года, осознание Россией опасности исламизма в регионе привело к нахождению общего языка со странами Центральной Азии. Москва также умело воспользовалась ухудшающимися отношениями Центральной Азии и Вашингтона и ввела стратегии «сдерживания» западного влияния в регионе. В действительности, отличительной чертой России по сравнению со странами западной Европы является то, что она не ставит политических условий при оказании помощи, а режимы Центральной Азии, которые с каждым днем становятся все авторитарнее, особенно благодарны за это. Таким образом Россия сыграла ключевую роль

6 K. Crane, D. J. Peterson and O. Olikier, "Russian Investment in the Commonwealth of Independent States", *Eurasian Geography and Economics*, Том. 46, №. 6, 2005, стр. 405-444.

7 P. Baev, "Assessing Russia's Cards: Three Petty Games in Central Asia", *Cambridge Review of International Affairs*, Том. 17, №. 2, 2004, стр. 269-283.

8 S.N. Cummings, "Happier Bedfellows? Russia and Central Asia under Putin", *Asian Affairs*, Том. 32, №. 2, 2001, стр. 412-452.

9 L. Jonson, *Vladimir Putin and Central Asia: The Shaping of Russian Foreign Policy*, London: I.B. Tauris, 2004.

10 V.V. Naumkin, *Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle*, Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. См. также Z. Baran, F. Starr and S. Cornell, *Islamic Radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU*, Silk Road Papers, Central Asia and Caucasus Institute, Washington, D.C., 2006.

11 S. Peyrouse, "Le tournant ouzbek de 2005. Eléments d'interprétation de l'insurrection d'Andijan", *La Revue internationale et stratégique*, №. 64, 2006, стр. 78-87. См. также A. Ilkhamov, "Neopatrimonialism, interest groups and patronage networks: The impasses of the governance system in Uzbekistan", *Central Asian Survey*, №. 1, 2007, стр. 65-84.

в построении государств Центральной Азии путем продвижения пост-советской модели правления, которую можно определить как авторитарную.

С 2000 года ее влияние на законодательную деятельность в Центральной Азии стало более прямым, особенно после того, как РФ заявила, что западная модель парламентской демократии неприменима в данном регионе. Такое политическое сближение имело значительное влияние на общество центрально-азиатских стран: попытки принять политические реформы, направленные на демократизацию, были блокированы; деятельность НПО и гражданского населения постоянно ограничивается; получение доступа к новым технологиям и СМИ, а также к сети Интернет, стало все более затруднительно.¹² Даже Кыргызстан, обычно считающийся наиболее демократичной страной в Центральной Азии, с 2007 года предпринимает попытки установления "вертикальной структуры власти", которая хоть и наносит вред демократическим инициативам, но направлена на стабилизацию страны, содействие инвестициям и поддержку государственной власти. В Казахстане очень внимательно следили за переходом власти от Владимира Путина к Дмитрию Медведеву, учитывая, что правительство стремится найти способ сохранения интересов правящей элиты в случае, если Нурсултан Назарбаев уйдет с должности в 2012 году. Россия в который раз стала моделью для режимов Центральной Азии, которые не симпатизируют ни западным парламентарным системам, ни китайской однопартийности.

Основная сфера участия России: контроль над топливными ресурсами

В экономической сфере Россия также возобновила господствующую позицию.¹³ Торговые обороты РФ и Центральной Азии вернулись к нормальным показателям в 2000 году, а в период между 2003 и 2007 году увеличились в три раза, совершив скачок с 7 до 21 млрд. долларов, третья часть которых

приходится на топливный сектор.¹⁴ В 2006 году Россия вновь стала основным партнером Казахстана по импорту (сумма торгового оборота возросла до 10 млрд. долларов), а также его третьим партнером по экспорту, после ЕС и Китая. На данный момент РФ является основным торговым партнером Узбекистана. На ее долю приходится четвертая часть валюты страны (более 3 млрд. долларов в 2007 году). К тому же, Москва стала вторым по важности торговым партнером Кыргызстана после Китая, а в Таджикистане, и вовсе стоит на первом месте, опережая Китай. В Туркменистане Россия уступает Украине, Ирану и нескольким странам Европы; несмотря на это, растущее влияние Газпрома может изменить ситуацию в 2009 году. Как и в случае с ЕС, торговля России и Центральной Азии без сомнения основывается на энергетике.

Присутствие России на энергорынке Центральной Азии постепенно нарастает с 90-х годов. Первоначально, деятельность РФ останавливалась на Казахстане, но приблизительно в 2000 году, Газпром начал проникать на рынок Узбекистана и Туркменистана, а с 2005 года также на киргизский и таджикский рынок. Следуя энергетической заинтересованности России, относительная пропорция газа и нефти в торговле РФ и Центральной Азии увеличилась с 23% от всего объема торговли в 2003 году до 36% в 2006 году, или с 2 млрд. до 4.6 млрд. долларов.¹⁵ Такое увеличение обосновано в основном увеличением торговли газа с Узбекистаном, так как уровень торговли газа с Туркменистаном остался приблизительно на том же уровне, а торговля нефти с Казахстаном выросла лишь незначительно. Участие России в сбыте нефти Казахстана и Узбекистана остается слабым. Несмотря на быстрый подъем в 2004 году, торговое сотрудничество в топливном секторе до сих пор остается на более низкой отметке, чем во времена СССР: импорт российской нефти странами Центральной Азии и внутренняя

14 V. Paramonov and A. Stokov, *Ekonomicheskoe prisutstvie Rossii i Kitaia v Tsentral'noi Azii* [The Economic Presence of Russia and China in Central Asia], Central Asia Series, Defence Academy of the United Kingdom, Shrivenham, 2007.

15 V. Paramonov and A. Stokov, *Central Asia: Existing and Potential Oil and Gas Trade*, Central Asia Series, Defence Academy of the United Kingdom, Shrivenham, 2008, стр. 2.

12 M. Laruelle and S. Peyrouse, *Asie centrale, la dérive autoritaire*, CERI-Autrement, Paris, 2006.

13 J. Perovic, "From Disengagement to Active Economic Competition: Russia's Return to the South Caucasus and Central Asia", *Demokratizatsiya*, №. 1, 2005, стр. 61-85.

торговля в регионе остается намного ниже отметки 90-х годов; только в сфере экспорта центрально-азиатского газа в Россию торговые обороты могут к 2010 году превысить уровень советской эпохи.

Эти потоки энергии имеют в основном односторонний характер и придерживаются направления из Центральной Азии в Россию. Сама Россия потребляет только небольшое количество центрально-азиатского топлива. Остатки переправляются на Украину и Западную Европу. По сравнению с другими международными игроками, вложения Москвы в топливный сектор Центральной Азии в 2006 году составили скромные 4-5 млрд. долларов, 80% которых были инвестированы в Казахстан и 10% - в Узбекистан. Тем не менее, российские компании теперь стремятся увеличить свое финансовое присутствие в регионе и планируют инвестировать около 15 млрд. долларов к 2012 году, в основном в развитие инфраструктуры транспорта и хранения. Целью Москвы в отношении Кыргызстана и Таджикистана является получение жесткого контроля над продажами высоко-прибыльных нефтяных продуктов. Как следствие, Газпром ведет исследование месторождений таджикского газа в Саргазоне (в районе Хатлон) и Ренгане (недалеко от Душанбе), а также исследования газовых месторождений на юге Казахстана. Компания также надеется завладеть долей акций в государственных предприятиях Кыргызгаз и Кыргызнефтегаз, когда они выйдут на этап приватизации.

Россия участвует во множестве энерго-проектов на территории Казахстана. Москва также ведет геологическое изучение и освоение газовых месторождений в Карачаганаке (западный Казахстан) и в Имашевском месторождении (область Атырау), нефтяных месторождений в Северном Бузачи (Мангистауская область), газовых и нефтяных месторождений в Северном Кумколе (область Кызылорда), в Алибекмоле и Кожасае (Актюбинская область), а также морских месторождений в Казахской части Каспийского моря. Российские компании также участвуют в строительстве газоперерабатывающего завода в Оренбурге и газового комплекса недалеко от Хвалинского. Роснефть участвует в проекте расширения трубопровода Атырау-Самара, который должен увеличить мощность

с 15 до 25 млн. тонн в год. Наконец, Каспийский трубопроводный консорциум, 24% которого являются государственной собственностью РФ, а другие 20% принадлежат российским компаниям, планирует увеличить мощность Тенгизско-Новороссийского участка с 32 до 67 млн. тонн в год. Другие совместные проекты, такие как Центр-Средняя Азия и газопровод Бухара-Урал, также направлены на увеличение потока узбекского и туркменского газа.¹⁶

В Туркменистане для России представляет интерес только газовый сектор. ИТЕРА – единственная российская компания, непосредственно участвующая в топливном освоении, хотя Лукойл и совместное предприятие ТНК-ВР пытаются проникнуть на рынок Туркменистана. Присутствие России остается ограниченным, так как Ашхабад допускает иностранные вложения только в морских месторождениях, являющихся наиболее дорогостоящими и трудными с технической точки зрения. Так как статус Каспийского моря остается неясным, такие месторождения также являются наиболее сложными в геополитическом плане, так как они часто располагаются вблизи границы с Ираном. Российско-турецкое сотрудничество ограничивается экспортом туркменского газа в Россию через трубопровод Центр-Средняя Азия, в обновление которого Газпром планирует вложить более 2 млрд. долларов. В Узбекистане российские компании участвуют в освоении газовых месторождений в Шахпахты и Кунграде (в Каракалпакстане), в Кандыме, Хаузаке и Шады (в области Бухара), а также месторождений газа и нефти в Жамбае (в узбекской части Аральского моря), некоторых месторождений Гиссарского района (около Карши) и в Урге, Куаныш и Ахчалак (на плато Устюрт). Москва также инвестирует в транзитную инфраструктуру, например, газопроводы Центр-Средняя Азия и Бухара-Урал, которые Узтрансгаз и Газпром планируют модернизировать и расширить.

Москва, больше других игроков международной арены, занимает основное место в развитии топливного рынка Центральной Азии. Будучи заинтересованной в экспорте ресурсов для сбора транзитных пошлин,

¹⁶ V. Paramonov and A. Stokov, Russian Oil and Gas Projects and Investments in Central Asia, Central Asia Series, Defence Academy of the United Kingdom, Shrivenham, 2008.

Россия способствует увеличению объемов экспорта центрально-азиатских республик (85% нефти Казахстана и 78% в случае Туркменистана экспортируется за пределы СНГ). Россия помогает снизить объемы внутренней торговли между государствами: Узбекистан экспортирует в пять раз меньше газа в Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан, чем в 1990 году. Объемы импортируемой нефти из Казахстана незначительны, а Туркменистан¹⁷ и вовсе перестал играть какую либо роль в региональной энергосфере.⁶ Однако в условиях повышения внутреннего потребления, акцент на экспорт энергетики усугубляет периодический энерго-кризис в двух наиболее слабых государствах - Кыргызстане и Таджикистане, в то время как Южный Казахстан и Узбекистан страдают от постоянного, но не настолько сильного энерго-дефицита.

Нежелание России способствовать строительству перерабатывающих заводов в регионе и, в частности, производства продукции с высокой добавленной стоимостью укрепляет среднеазиатский регион в роли экспортера сырья. Такая торговая модель крайне неэффективна и, в конечном счете, даже опасна для долгосрочных экономических интересов Средней Азии. Однако довольно вероятно, что Москва потеряет контроль над рынком региона. Во-первых, на арене появились новые игроки, в частности Китай. Во-вторых, развитие судоходства в Каспийском море, а также строительство железных дорог снизило важность наземных трубопроводов. Более того, торговля энергетикой между РФ и Центральной Азией в основном проходит через государственные компании, задействованные в правительственных политиках. Таким образом сотрудничество преследует определенную политическую цель, которая часто противоречит коммерческим интересам стран.

Москва отдает себе отчет в том, что в сфере энергетики она больше не может контролировать цены на газ и нефть в среднеазиатском регионе, которые стремятся к мировым ценам на топливо благодаря энерго-потребностям Ирана, Западной Европы и особенно Китая. Все эти страны готовы

платить высокую цену, чтобы лишить Газпром, Лукойл и Роснефть их квази-монополии. Экспортные маршруты уже не всецело зависят от России: туркменский газ экспортируется прямо в Иран, а в ближайшее время и в Китай. Казахская нефть переправляется в Китай и на Запад по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. Желая завладеть рынком, крупные российские компании прибегают к агрессивным торговым операциям, которые, как и в случае других мировых держав, также являются инструментом для осуществления политических интересов. Несмотря на то, что в 90-х крупнейшие российские компании вели свою собственную политику, часто отличающуюся от решений Кремля, при Путине государственные интересы и интересы основных компаний были объединены. Это дало России одно решение для разных задач: во-первых, поддержание политического влияния на режимы центрально-азиатских стран с помощью контроля над ресурсами; во-вторых, получение значительных транзитных пошлин с этих окруженных суши стран; в-третьих, замедление (но не остановка) процесса появления конкурирующих путей транспортировки в Китай, Иран и Турцию; в заключение, удовлетворение растущего спроса Европы на энергоресурсы. Несмотря на доминирующее положение энергетики, Россия также ведет торговлю с Центральной Азией в следующих важных сферах сотрудничества:

- уран (усиление интеграции ядерных ресурсов между Москвой и Астаной и создание совместных предприятий для добычи, а также для строительства реакторов);
- электричество (сохранение энерго-сетей советских времен содействует созданию общих проектов);
- гидроэлектричество (РФ финансирует ГЭС «Сангтуда» в Таджикистане и ГЭС «Камбарата» в Кыргызстане);
- строительство (в основном, в Казахстане);
- телекоммуникации (особенно мобильная телефония);
- транспорт (особенно грузоперевозки);
- железная дорога (но не автомобильный

17 V. Paramonov and A. Stokov, *Central Asia: Existing and Potential Oil and Gas Trade* (2008), op. cit., стр. 7.

рынок);

- банки (растущее количество русско-казахских партнерств);
- военно-промышленный комплекс; и в заключение
- отдельные сферы сельского хозяйства (Россия и Казахстан укрепляют сотрудничество по производству злаков).

Упрощение таможенных процедур с Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном благодаря Евразийскому Экономическому Сообществу также способствует вхождению российских продуктов на рынки Средней Азии. Тем временем, что касается обратного направления, территория Средней Азии все больше используется в качестве транзитной зоны для китайских товаров, предназначенных для Сибири и Алтая. Однако со всей вероятностью можно утверждать, что Китай отвоюет у России место основного торгового партнера Центральной Азии, а в случае Казахстана и Кыргызстана это, возможно, уже произошло.¹⁸

Таким образом, что касается энергетики, Россия остается ключевым партнером для Центральной Азии. Москва – ключевой участник тяжелой промышленности и инфраструктуры региона, областях, которые с давних времен были сильной стороной Советского Союза. Что касается малого и среднего бизнеса, а также новых технологий, в этой сфере Россия является сравнительно скромным и неконкурентоспособным игроком. Такое расслоение дает более глобальную картину российской экономики, которая все еще зависит от цен на нефть и газ и до сих пор не диверсифицирована. В то же время это объясняется экономическим состоянием государств Центральной Азии, где малый и средний бизнес, а также новые технологии с трудом находят место на рынке. Экономика этих стран, кажется, прежде всего, призвана служить транзитной зоной для русско-китайской торговли. Этим объясняется акцент на инфраструктуре и услугах по грузоперевозкам.

Вопрос безопасности - угроза с юга?

Вторая ключевая сфера присутствия России в Средней Азии - сфера безопасности региона. С начала 90-х годов, это направление было основным стимулом Москвы поддерживать свое влияние в регионе. Однако с 2000 года механизмы сотрудничества претерпели кардинальные изменения. Для России Центральная Азия представляет различные трудности, связанные с безопасностью: любая дестабилизация в наиболее слабых (Кыргызстан и Таджикистан) или в наиболее опасных странах (Узбекистан) будет иметь непосредственное влияние на Россию, включая следующие последствия:

- Проникновение исламистов в Урало-Поволжье и северный Кавказ, а также в другие регионы страны;
- увеличение поступления наркотиков к населению России, которое и сейчас под прицелом наркоторговцев;
- потеря контроля над экспортной сетью топлива, а также над месторождениями урана и над стратегическими объектами военно-промышленного комплекса и электростанциями;
- снижение объемов торговли;
- потеря прямого доступа в Афганистан;
- неконтролируемое увеличение потока мигрантов, в особенности, беженцев.

В Москве надежность южных границ с Центральной Азией рассматривается как вопрос национальной безопасности не из соображений империализма, а с точки зрения прагматизма: Российско-казахскую границу, протяженностью 7000 км и пролегающую через степь, практически невозможно обезопасить. В сложившейся ситуации необходим более эффективный контроль нелегальной иммиграции в странах, из которых она совершается, что утверждает Центральную Азию в роли буферной зоны для России.

Из всех организаций СНГ только антитеррористический центр функционирует как должно, предоставляя подготовку и обучение служб безопасности Средней Азии, а также проводя совместные учения – «Юг против Террора», организовываемые ФСБ

¹⁸ Для более подробной информации см. S. Peyrouse, *The Economic Aspects of the Chinese-Central-Asia Rapprochement*, Silk Road Papers, Central Asia and Caucasus Institute, Washington, D.C., 2007.

России. Многостороннее сотрудничество России и Средней Азии в действительности основывается на Организации Договора о коллективной безопасности, куда входит Россия, все центрально-азиатские страны (за исключением Туркменистана), Белоруссия и Армения.¹⁹ Помимо ее роли в разработке коллективной стратегии по борьбе с терроризмом, международными угрозами и торговлей наркотиками, ОДКБ – единственная региональная организация военного масштаба.²⁰ Коллективные войска быстрого реагирования Центральной Азии, состоящие из подразделений Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, насчитывают в общей сложности около 4000 военных и являются единственной обученной армией, способной реагировать в реальном времени. Ее состав, вероятно, будет увеличен до 15000 солдат. На совместных боевых учениях, проводимых ежегодно в одной из стран-участниц, симулируются террористические нападения («Рубеж») или операции по перехвату наркотиков («Канал»). С 2005 года ОДКБ возобновила сотрудничество российского и центрально-азиатского военно-промышленного комплекса. Межправительственный комитет по военному и экономическому сотрудничеству позволяет продавать российский военный материал на льготных условиях в страны Центральной Азии по внутренней цене российского рынка. Это способствует более близкой интеграции военной промышленности этих двух сторон.

Тем не менее, в сфере безопасности доминирует двусторонний характер отношений. С начала 90-х годов, Россия проводила совместные военные учения с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, в частности на полигоне Ашулук, в Астраханской области. Однако учения с участием Узбекистана начались лишь в 2005 году, а с туркменской армией до сих пор не были организованы. С самого начала Россия четко определяла главную

задачу двустороннего сотрудничества: защита международных границ бывшего СССР. Несмотря на то, что в Кыргызстане, Туркменистане и Таджикистане больше нет российских войск, до сих пор ведутся двусторонние переговоры по обеспечению безопасности границ. Также проводятся операции, фокусирующиеся на торговле наркотиками и нелегальной миграции, как, например, те, что проводились в сотрудничестве с Казахстаном на Каспийском море и вдоль китайской границы. Пограничная служба ФСБ играет консультативную роль и обеспечивает поддержку на техническом уровне в Кыргызстане и Таджикистане. Российские войска, которые помогали обеим странам создавать систему обороны в 90-е годы, продолжают обучение работников военно-воздушных сил. Вторая по величине сфера сотрудничества, которая гарантирует России главенство в военном секторе, – подготовка солдат. Советское наследие и динамизм России в этом секторе дали Москве возможность помочь подготовить большинство военного персонала Центральной Азии, включая более 2500 человек из Казахстана, 800 человек из Кыргызстана, более 500 из Таджикистана и более 250 из Узбекистана. Несколько сотен высокопоставленных граждан Центральной Азии получили дипломы в российских военных академиях, которые также служат моделью для центрально-азиатских военных школ, а две российских военных базы в Кыргызстане и Таджикистане дополнительно предлагают специализированную подготовку на местах.

Российскому правительству удалось удержать или восстановить несколько военных и исследовательских баз в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Самые важные базы территории всего бывшего Советского Союза находятся в Казахстане, и таким образом являются ключевым элементом оборонной системы России. С 90-х годов Астана предоставила России право использования нескольких полигонов в обмен на военный материал для подготовки военных. Москва, к примеру, арендует у Астаны известный космодром Байконур (70% российских ракет запускаются отсюда), а также центры запуска ракет и боезарядов в регионах Атырау и западном

19 A. Nikitin, "Post-Soviet Military-Political Integration: The Collective Security Treaty Organisation and its Relations with the EU and NATO", *The China and Eurasia Forum Quarterly*, Том. 5, №. 1, 2007, стр. 35-44.

20 V. Paramonov and O. Stopolski, *Russia and Central Asia: Multilateral Security Cooperation*, Central Asia Series, Defence Academy of the United Kingdom, Shrivenham, 2008.

Казахстане. Россия также арендует полигоны для испытания баллистических снарядов в Карагандинской, Жамбыльской, Актобинской и Кызылординской областях, а также объект Гульшад в районе озера Балхаш, на котором ведется мониторинг баллистических снарядов и космических объектов, движущихся над Азией на расстоянии 3000 км.

В Кыргызстане у России имеется в распоряжении база «Кант», которая открылась в 2003 году и вмещает около 800 человек. Москва недавно заявила о планах открытия второй базы на юге страны. База «Кант» контролирует несколько объектов, таких как станция сейсмического контроля российского министерства обороны в горной гряде Тянь-Шань, станция «Кара-Балта» в Чалдоваре, Чуйской области (база финансируется российским военным флотом) и зона испытания противолодочного оружия российской армии в Караколе, на берегу озера Иссык-Куль. После подписания в 2004 году соглашения с Таджикистаном, Москва открыла свою самую крупную военную базу за пределами страны, где базируется 201-ая вооруженная дивизия. России было разрешено разместить и другие войсковые подразделения в Курган-Тюбе и Кулябе. Россия также занимает воздушную базу «Аини» недалеко от Душанбе, где базируются российские вертолетные эскадрильи, а также центр космического наблюдения «Окно» недалеко от китайской границы (находится на высоте 2200 метров), где расположены электронные и оптические станции наблюдения российских космических войск. Ни в Туркменистане, ни в Узбекистане у России нет военных полигонов. Однако так как Узбекистан присоединился к ОДКБ, Россия надеется, что Ташкент даст РФ доступ к плато Усть-Юрт для испытания баллистических снарядов.²¹

Двумя другими сферами военного сотрудничества России и Центральной Азии являются, в первую очередь, поставки военного оборудования, а во вторую – сотрудничество на уровне военно-промышленного комплекса. С 2000 года Россия поставила в страны Средней Азии огромное количество военного оборудования,

либо реализуя его по льготным ценам, особенно в Казахстан и Узбекистан (две единственные страны региона, способных финансировать собственную армию), либо поставляя материал в обмен на аренду объектов (Кыргызстан и Таджикистан). Таким образом Россия оснащает армии Средней Азии оружием, боеприпасам и приборами ночного видения, а также самолетами, вертолетами, устройствами противоракетной обороны и танками (включая корабли в случае Каспийского морского флота Казахстана), а также предоставляет послепродажное обслуживание и ремонт. С 2005 года влияние Москвы, подкрепленное важностью ее советского наследия, стало еще более ощутимым в связи с запуском центрально-азиатского военно-промышленного комплекса. В Казахстане, например, зарегистрировано пять российско-казахских совместных предприятия в различных военных сферах (системы противоракетной обороны, производство торпед, противолодочные мины и корабельный материал), не говоря о совместных космических операциях, сфера которых была расширена в связи с открытием ракетно-космического комплекса «Байтерек». Кыргызстан надеется восстановить деятельность своих совместных с Россией предприятий, которые специализируются на торпедах, оружии и радарх, с помощью российской государственной компании Рособоронэкспорт. Узбекистан пытался восстановить сотрудничество с Россией в авиационной сфере с помощью подписания соглашений между Москвой и авиазаводом «ТАПО» и создания совместного предприятия УзРосАвиа по производству самолетов; страна также надеется воспользоваться прогрессом России в сфере космического оборудования для Майданакской обсерватории.

Вечный вопрос: теряет ли Россия свое влияние в Центральной Азии?

Любая попытка оценить успех России в Центральной Азии оказывается трудновыполнимой. Несмотря на возрождение влияния в 2000-х годах, Москва, очевидно, потеряла свое господство в регионе. Даже сам Кремль, кажется, никогда и не думал вернуться к ситуации советских времен

²¹ V. Paramonov and O. Stopolski, *Russia and Central Asia: Bilateral Cooperation in the Defence Sector*, Central Asia Series, Defence Academy of the United Kingdom, Shrivenham, 2008.

и не пытался политически интегрировать государства Центральной Азии в Российскую Федерацию. Москва хоть и надеется остаться ведущим партнером для Средней Азии, но не рассматривает вариант эксклюзивности. В результате, Кремль научился идти на компромисс с другими участниками международной арены, о чем свидетельствует принятие Владимиром Путиным после событий 11 сентября открытия американских базы и сотрудничество страны с Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Российская элита дальновидна и прагматична: ей известно, что страны Средней Азии готовы использовать фактор международной конкуренции в своих собственных интересах, и что они не будут задействовать какие бы то ни было льготные политики только на почве симпатий. Таким образом заключением можно считать тот факт, что возвращение России было частично успешным с той точки зрения, что страна опять стала важным партнером и легитимным союзником на рынке Центральной Азии, который больше не является монополизированным.

Несмотря на то, что Россия довольно преуспела в восстановлении своего влияния в Центральной Азии, страна также находится в процессе превращения в «одну из многих» держав региона. Ее позиция подвержена геополитическим трудностям и не имеет гарантий. Верно также, что соседствующие державы, такие как Индия, Иран и Турция, не обладают потенциалом затмить господство России. Однако в случае с Китаем это не так - страна будет представлять серьезные трудности для России в долгосрочный период.²² На сегодняшний день обе страны сумели реализовать свои цели, избежав столкновений, но весьма вероятно, что эта ситуация довольно скоро изменится, особенно в виду усиления борьбы за контроль подземных ресурсов Центральной Азии. До настоящего времени русско-китайское сотрудничество в Центральной Азии было возможно благодаря заинтересованности Пекина в поддержке Россией безопасности

в регионе. Но если власти Китая, по какой либо причине, посчитают, что им необходимо изменить свою позицию по отношению к Средней Азии и решат участвовать не только в экономических делах региона, но и в политических, военных и культурных, интересы Китая войдут в конфликт с интересами Москвы. Отношения России и Центральной Азии зависят также от условий международного сотрудничества и конкуренции между Москвой и Вашингтоном. Например, переориентация американской международной политики в отношении Афганистана, а также более чем неопределенное будущее Пакистана могут побудить Россию и США к сотрудничеству в вопросе стабилизации региона Средней Азии. Присутствие России в Центральной Азии также зависит от экономики. С 2000 года доход от газа и нефти придал России значимость, которую она до этого не имела, но которую она может потерять в условиях мирового финансового кризиса в сочетании со сниженными ценами на топливо. Возможность РФ инвестировать в Среднюю Азию может столкнуться с трудностями, что в свою очередь будет иметь прямое воздействие на политическую влияние страны.

Значимость России в Центральной Азии зависит не только от геополитических и финансовых перестановок в мире, но и от факторов внутри страны. Как часть более широкого исторического процесса, нынешний демографический кризис, уменьшение населения Сибири и общее «рецентрирование» России вокруг европейских регионов страны являются сигналом невиданного до сих пор отступления Москвы, что, безусловно, скажется на ее влиянии в Средней Азии. РФ также сложно оценить последствия массовой иммиграции рабочих из Средней Азии, а также влияние растущей ксенофобии и исламофобии российского общества на последующие отношения с Центральной Азией.²³ По мнению России, у региона есть три варианта выбора: оставаться под господством России, страдать от хронической нестабильности (либо как следствие исламизма, либо вследствие криминализации региона) или попасть под

22 M. Laruelle and S. Peyrouse, *China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies*, Silk Road Monograph, Central Asia and Caucasus Institute, Washington, D.C., April 2009 <<http://www.isdp.eu/files/publications/books/09/ml09chinaneighbor.pdf>>.

23 M. Laruelle, "Central Asian Labor Migrants in Russia: The 'Diasporization' of the Central Asian States?", *The China and Eurasia Forum Quarterly*, Том. 5, №. 3, 2007, стр. 101-119.

господство Китая.²⁴

Полемика о политике России в отношении использования «мягкой силы» в Центральной Азии подтверждает тот факт, что все пять государств рассматриваются властями РФ как естественная часть территории влияния России. В частности, желателен политическое подчинение и экономический контроль, но никак не культурная близость, так как этот фактор вызывает беспокойство. Согласно общественному мнению в России, Средняя Азия ассоциируется с исламом, терроризмом и мафией, в то время как осознание положительных исторических и культурных связей с народами Центральной Азии происходит крайне редко. Такое обобщенное презрение к региону Средней Азии ответственно за отрицательный контекст, в котором интеллигентная и политическая элиты видят экономическую, геополитическую, а также социальную пользу региона. Москва, например, больше не является экспертом по региону. Несмотря на давние восточные традиции, изучение Средней Азии сходит на нет, а размышления о будущем региона в российских научно-исследовательских центрах практически отсутствуют. Данная ситуация может частично объясняться общим мнением Москвы, что Центральная Азия юридически является сферой ее влияния в Евразии.

Таким образом на данный момент Россия практически полностью потеряла долгосрочное видение своих отношений с «южным» соседом. Москва также не располагает какой либо стратегией придания региону статуса отличного от теперешнего геополитического и политического приложения к Москве. Кремль до сих пор воспринимает Среднюю Азию как дополнительную зону влияния, а правительства этих стран считают такое отношение неуважительным. Элиты Центральной Азии возмущают неспособность России сформулировать последовательный план своего партнерства с регионом. Она критикует Россию за то, что она использует в своей политике инерцию исторического наследия, не пытаясь ввести какие либо новшества. Тем не менее, Москве необходимо

думать о таких проблемах, как, например, смена политической верхушки, которая в данный момент имеет место в Средней Азии. Когда исчезнет советское поколение, какое отношение разовьет новое общество к России? Готов ли Кремль к предстоящим перестановкам власти, в особенности в таких государствах, как Узбекистан, где вопрос смены политической верхушки используется в качестве оправдания авторитаризма? Может ли Москва точно оценить влияние Запада на молодое поколение политиков? Какое влияние окажет Китай на культурную сферу Центральной Азии в ближайшие годы? И в случае, если радикальные исламистские течения дестабилизируют Узбекистан или Кыргызстан, к каким мерам, отличным от насилия во имя борьбы с террористами, прибегнет Кремль? Создается впечатление, что у правителей России нет ответа ни на один из этих вопросов.

Тем не менее, у России есть аргументы в свою пользу, о которых страна, возможно, даже не догадывается. Несмотря на вероятность того, что молодое поколение политиков Центральной Азии (в особенности Казахстана и Кыргызстана), которые частично получали образование за пределами СНГ, будут более критично относиться к России, это не означает, что именно представители русофобов придут к власти. Наоборот, положительные воспоминания о советском прошлом, тот факт, что СССР играл важную роль в достижении независимости, что Россия продолжает являться «мостом» в Европу, а также наличие особой «советской» или «евразийской» цивилизации – все это существенные аргументы в пользу России для средних и высших классов Центральной Азии. Однако Кремль до сих пор не выработал последовательной культурной дипломатии в отношении пост советского пространства. В действительности у Москвы нет ни одного реального предложения по поддержанию роли русского языка и культуры в Центральной Азии, хотя это уже становится важным вопросом в руководящих кругах. Россия могла бы сохранить за собой ключевую роль в Средней Азии, если бы она обладала следующими возможностями:

²⁴ M. Laruelle, *Russian Policy on Central Asia and the Role of Russian Nationalism*, Silk Road Papers, Central Asia and Caucasus Institute, Washington, D.C., 2008.

- удовлетворить желание государств Центрально Азии получать инвестиции в различные экономические секторы, а не только в топливный;
- продолжать обучать политические и военные кадры региона;
- продвигать использования русского языка среди местного населения;
- создать более защищенную рабочую среду для миллионов центрально-азиатских рабочих в России, не говоря о восстановлении интеллектуального сотрудничества между РФ и регионом, которое практически прекратилось; а также
- начать участвовать в формировании политик лоббирования и образования структур влияния вокруг молодых поколений, которые вероятно наследуют бразды правления.

Рекомендации для ЕС

Несмотря на напряженные отношения в последнее время, а также разногласия в таких вопросах, как грузинский конфликт, расширение НАТО и Восточное партнерство, Евросоюз и Россия могут сотрудничать по многим вопросам, касающимся Средней Азии. В отличие от отношений России и США, где проблемой является конкуренция за сферы влияния, ЕС оценивает ситуацию с точки зрения тесного сотрудничества с другими игроками центрально-азиатского региона.

Продвижение общих интересов в вопросах энергетики

С началом экономического кризиса, российская элита (в особенности самые реформистские круги, близкие к Дмитрию Медведеву), пытались высвободить Россию из тупика, продвигая диверсификацию экономики и робко критикуя решения, принятые в пользу топливной и добывающей промышленности. В интересах ЕС ориентировать Россию в направлении диверсификации и побуждать ее применять тот же принцип в Центральной Азии. Господство Газпрома и крупных российских предприятий в сырьевом секторе

наносит ущерб влиянию России в регионе, особенно ее отношениям с Казахстаном, который просит всех своих партнеров оказать помощь в реорганизации экономики страны. К тому же, ЕС необходимо поддерживать диалог с Москвой в отношении положительного характера диверсификации экспортных маршрутов Центральной Азии, которая хоть и противоречит краткосрочным интересам России, поможет стабилизировать регион и таким образом соответствует долгосрочным интересам Кремля.

Улучшение взаимоотношений ЕС и России по вопросу Афганистана

Руководящая верхушка России исключительно разделена в афганском вопросе. Москва постоянно критикует решение НАТО, но в то же время, многие российские политики признают, что неспособность коалиции стабилизировать Афганистан будет представлять большую опасность для России. Евросоюз крайне заинтересован в продвижении сотрудничества с Москвой по афганскому вопросу, так как их интересы в сфере безопасности совпадают. Несмотря на наследие советского вторжения, Россия, как ни странно, имеет сравнительно положительную репутацию среди верхов Афганистана.²⁵ Символическая переоценка России в переговорах Запада с правительством Афганистана пошла бы на пользу как Кабулу, так и Москве. Это также послужило бы разоружению дискурсов, критикующих американское вмешательство и нежелание вступать в диалог с соседствующими державами. К тому же у России до сих пор имеется широкая сеть влияния в Афганистане через таджикское и узбекское меньшинство, а также через бывшие движения коммунистов – все это может быть использовано, когда придет время посадить за один стол всех участников афганского вопроса. Можно также предпринять конкретные меры сотрудничества: совместное восстановление электрических кабелей, ГЭС, ремонт дорог и заводов, строительство хранилищ для пшеницы, возобновление работы школ и др. Теоретически, России еще не поздно воспользоваться последствиями

25 M. Laruelle, *Beyond the Afghan Trauma: Russia's Return to Afghanistan*, Jamestown Occasional Paper, Jamestown Foundation, Washington, D.C., August 2009.

той важнейшей роли, которую страна сыграла в модернизации Афганистана с 1950 по 1970-е года, до вторжения, и таким образом принять большее участие в проектах развития, которые международное сообщество хочет запустить в Афганистане.

Продвижение сотрудничества по обучению высших слоев общества и реформирование высшего образования

Россия остается избранным местом для студентов из Центральной Азии, а с тех пор, как Москва осознала свой культурный потенциал, страна пытается открыть факультеты своих университетов в государствах Средней Азии. Так как ЕС поставил своей целью продвижение высшего образования в регионе, можно ожидать трехстороннее партнерство между ЕС, Центральной Азией и Россией. Таким образом студенты из Центральной Азии в России смогут принимать участие в программах обмена с западными странами, которые происходят в наиболее крупных университетах России. Проекты такого типа будут наиболее тепло приняты в Центральной Азии, для которой Россия продолжает оставаться культурным центром, непосредственно взаимодействующим с Европой.

Улучшение сотрудничества в сфере потоков мигрантов

Поток мигрантов из Центральной Азии в Россию до сих пор увеличивается (речь идет минимум о 3 млн. человек), но страна плохо подготовлена к сложностям, свойственным этому феномену. Это плохо сказывается на мигрантах из Центральной Азии, которых исключают из общественной жизни России, и которые становятся жертвами растущей ксенофобии. У стран ЕС имеется обширный опыт в этом вопросе. Это касается не только общественных политик, но и ведения диалога со странами, из которых происходит миграция (Средний Восток и Африка). К тому же роль России как транзита на пути среднеазиатских мигрантов в ЕС также будет расти. Следовательно, ЕС напрямую касается вопрос умения России контролировать поток мигрантов. Трехстороннее сотрудничество

(ЕС – Россия – Центральная Азия), дополняемое деятельностью комиссий по формулированию долгосрочных стратегий, должно быть применено в сферах регулирования нелегальной миграции, борьбы с эксплуатацией рабочих, социальных гарантий для мигрантов, содействия культурной интеграции (образование для детей, курсы русского языка для взрослых и др.), а также переговоров со странами, из которых происходит миграция, по вопросам регулирования потока мигрантов и их возвращения.

Сотрудничество в вопросе безопасности границ

России напрямую угрожает пористость ее границ с Центральной Азией. Российское общество с каждым днем все более чувствительно к социальным рискам, появляющимся как следствие торговли наркотиками. В этом вопросе у Москвы и Брюсселя общее мнение: обе стороны хотели бы избежать развития афганского сценария на территории государств Средней Азии. В силу этого, Россия могла бы принять участие в некоторых инициативах проекта Контроль границ Центральной Азии (ВОМСА) по учреждению региональных пограничных центров помощи в Центральной Азии.

Сотрудничество по вопросам общественной безопасности и развития

Россию также беспокоит возможность дестабилизации обществ Центральной Азии в долгосрочный период. Хотя Москва поддерживает существующие режимы в качестве щита против дестабилизации, ЕС склоняется к тому, что отказ от смены выборной власти создает политический риск. Тем не менее, Москва и Брюссель могли бы сотрудничать по более конкретным проектам, сглаживая недостаток перспектив Центральной Азии на дальнейшее развитие, особенно в проблеме водного, гидроэнергетического и пищевого кризиса. Такие проекты могут включать финансирование небольших ГЭС, ремонт дорог для устранения изолированности отдельных регионов, подготовка к природным катастрофами

и возможному прибытию экологических беженцев (например, из Каракалпакстана), а также внедрение программ по регулированию ситуации с питьевой водой и др.

Другие регулярные меры могут быть добавлены к уже перечисленным принципиальным действиям. Например, смягчение последствий мирового экономического кризиса. Россия и ЕС крайне заинтересованы в том, чтобы страны Центральной Азии не слишком сильно пострадали от кризиса. Меры, которые можно предпринять в этом отношении, включают координацию программ содействия банкам для наиболее слабых государств, обеспечивая выплату зарплат и пенсий, координацию доставки гуманитарной помощи (особенно пищевых продуктов, злаков) и лекарств, и др.

Заключение

Москва продолжает поддерживать авторитарный подход политических режимов Средней Азии, а также ориентировать их экономику на экспорт сырья. Такая стратегия в долгосрочный период нанесет ущерб этим государствам. В этом регионе пост советского пространства, Москва продемонстрировала свою способность воздерживаться от военных угроз и применения прямого политического давления, а вместо этого использовать более сложные тактики. Таким способом, Россия смогла превратить преемственность процессов советской интеграции в положительный для себя фактор, как на уровне экономической инфраструктуры и государственных механизмов, так и на уровне прочных общественных отношений между Россией и Центральной Азией. Несмотря на это, у России остается мало приманок для Центральной Азии: признание независимости Южной Осетии и Абхазии, напряженность отношений Беларуси и ОДКБ, усугубление конфликтов между Ташкентом и Москвой на фоне автономии и вытекающих из этого проблем - все это лишний раз подтверждает, что контроль России над этими государствами не стабилен. Если политический дискурс Москвы часто ссылается на наследие империи, на практике поведение России в Центральной Азии основывается на более чем прагматичном подходе, относящемся

непосредственно к ее интересам в сфере экономики и безопасности. Способность РФ «обволакивать», а не принуждать к сотрудничеству элиты других стран, ее политический легитимизм и ее культурные ценности являются значительными факторами, которые служат продолжению ее главенства в Центральной Азии. Тем не менее, несмотря на существенное присутствие Москвы в стратегической и военной сфере, неудивительно, что РФ является решением потенциальных угроз дестабилизации Центральной Азии, относящейся либо к Афганистану (исламизм и торговля наркотиками), либо к внутренним общественным проблемам Центральной Азии, связанным с повсеместной бедностью.

После фактического исчезновения из поля зрения Центральной Азии в начале 90-х, Москва вернулась в регион в качестве легитимного стратегического и политического союзника, хотя будущее России в регионе остается неопределенным. На сегодняшний день, Кремль почитает на лаврах советского наследия, пользуясь влиянием в сферах политики, экономики, культуры и на более индивидуальных уровнях, очевидно не осознавая необходимость обновлять свою стратегию влияния с целью обеспечить себе место основного партнера для Центральной Азии в последующие десятилетия. Таким образом в более или менее близком будущем России возможно придется искать партнеров в регионе, тем более когда усиливающееся присутствие Китая в Центральной Азии станет еще более проблематично для Москвы. Теоретически, у России и ЕС есть много возможностей сотрудничества в регионе. Но чтобы их осуществить, Кремль должен начать стремиться к такому сотрудничеству, не воспринимая его как шаг, подрывающий его будущий контроль над регионом. Таким образом, развитие сотрудничества ЕС и России в Центральной Азии больше привязано к отношениям ЕС и России, чем к отношениям ЕС и Центральной Азии: проблематичное сочетание партнерства и конкуренции, а порой и экспансионистских настроений, является первоочередной преградой на пути развития этого сотрудничества.

EUCAM представляет собой рассчитанный на 18 месяцев исследовательский и информационный проект, целью которого является: усилить значение Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии; обогатить дебаты об отношениях ЕС и Центральной Азии и о роли Стратегии в этих отношениях; увеличить прозрачность и обратную связь посредством предоставления высококачественной информации и анализа; развивать взаимопонимание путем углубления знаний европейского и центральноазиатского обществ о политике ЕС в этом регионе; развивать «критический» потенциал в странах ЕС и Центральной Азии через создание сетей сотрудничества между сообществами, которые затрагивает проблема роли ЕС в Центральной Азии.

Основными спонсорами проекта являются Институт «Открытое общество» (OSI), Министерство иностранных дел Нидерландов, Министерство иностранных дел Чехии, Министерство иностранных дел и сотрудничества Испании, Министерство иностранных дел и по делам Содружества Великобритании.

FRIDE представляет собой мозговой трест, базирующийся в Мадриде, который отличает оригинальный и инновативный взгляд на роль Европы на международной арене, а также тщательность анализа и скрупулезность исследований. FRIDE стремится открыть новые горизонты и дать начало общественным дискуссиям по вопросам мира и безопасности, прав человека, демократического развития и гуманитарной помощи.

Центр европейских политических исследований является одним из самых опытных и авторитетных мозговых трестов ЕС. Он служит ключевой дискуссионной площадкой для ведения дебатов в области исследований единой Европы. Особенностью центра является мощный исследовательский потенциал, который сочетается с разветвленной сетью партнерских институтов по всему миру. CEPS видит свою миссию в проведении профессиональных исследований, отвечающих вызовам времени, стоящим перед ЕС сегодня.